

Л. М. Ившин (*Ижевск*)

**Письменный памятник удмуртского языка
на основе латиницы**

Как известно, самые ранние письменные памятники по удмуртскому языку относятся к первой половине XVIII столетия. В этот период в политической и культурной жизни России отмечается заметное оживление. Растущие экономические потребности страны выдвигают новые задачи, для решения которых правительство предпринимает целый ряд мер. Одной из них явилось

учреждение в 1724 году по указу Петра I Российской академии наук. Академия приступает к изучению окраинных земель русского государства. Возникает интерес к языкам и этнографии народностей, населяющих огромные просторы России. В поле зрения исследователей и путешественников попадают и удмурты со своим языком.

В первой половине XVIII века в различных этнографических и географических описаниях появляются отдельные удмуртские слова, записанные на основе латинской (или немецкой) графики и орфографии. Специальным исследованием, посвященным изучению самых ранних письменных памятников удмуртского языка, является работа Т. И. Тепляшиной “Памятники удмуртской письменности XVIII века” (Москва, 1965), в которой опубликованы списки слов и словарики Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера, Палласа, П. Фалька и исследованы первые грамматики удмуртского языка. По поводу же первого исследователя удмуртского языка, Д. Г. Мессершмидта, направленного в Сибирь для изучения географии страны, ее природных богатств, истории, этнографии, Т. И. Тепляшина буквально пишет следующее: “С. К. Булич отмечает, что Д. Г. Мессершмидтом были представлены лингвистические материалы и по удмуртскому языку. Однако эти материалы нам обнаружить не удалось. Приходится сожалеть, что они остались неопубликованными и не дошли до нас. Возможно, что часть коллекций Мессершмидта погибла при пожаре Академии наук в 1874 году” (цитируется по: [Тепляшина 1965: 7]). Примерно такое же суждение встречается и в других работах, посвященных вопросам удмуртской лексикографии (см., например, в буквальном переводе на удмуртский язык, но без ссылки на Т. И. Тепляшину [Тараканов 1992: 118]).

Имя Д. Г. Мессершмидта как первого исследователя удмуртского языка и культуры, оставившего свое лингвистическое наследие, появляется в статье историка В. Н. Напольских, из которой мы узнаем, что в открытом фонде Санкт-Петербургского филиала Архива РАН имеется “... в двух экземплярах удмуртский словарь Мессершмидта – вообще первый словарь удмуртского языка (около 400 слов), существование которого не было секретом для исследователей его биографии...” (цитируется по: [Напольских 1998: 155]). Автор статьи в недоумении, как Т. И. Тепляшиной не удалось обнаружить лингвистические материалы Д. Г. Мессершмидта, которые были вновь “открыты” для удмурт-

ской науки “только в 1996 году благодаря м. н. с. Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН Н. В. Борлуковой” (цитируется по: [Напольских: 1998: 155]). Хотелось бы надеяться, что в скором будущем материалы “забытого” ученого будут опубликованы в виде полного комментированного издания, и незаслуженно забытое имя Д. Г. Мессершмидта вернется в пермистику.

Материал другого участника Камчатской экспедиции – академика истории и археологии Йоганна Эберхарда Фишера – также приводится, но не в полном объеме (всего 37 удмуртских слов), в вышеупомянутой монографии Т. И. Тепляшиной. Наиболее полное же лингвистическое наследие Й. Э. Фишера по удмуртскому языку увидело свет в статье венгерского ученого Шандора Чуча под названием “Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века” [Csúcs 1983: 311–320]. Здесь автор в алфавитном порядке, сохраняя транскрипцию оригинала и этимологические замечания Й. Э. Фишера, приводит список слов, собранный им в 30-е годы XVIII столетия (всего 295 удмуртских слов). Анализ транскрипции материала Й. Э. Фишера и извлеченные из него данные для изучения вопросов истории языка, заключение и оценка этимологических замечаний находят освещение в другой работе Ш. Чуча – “Удмуртский язык в XVIII веке” [Csúcs 1984: 63–80].

В 1995 году, переработанное и изданное на немецком языке в Германии Яношем Гуей, выходит книга под названием “Вокабуляр Сибири: (1747); Сравнительно-этимологическая часть” [Gulya 1995]. В книге дается краткое описание содержания рукописи Й. Э. Фишера, работы над ней, приводятся 316 словарных статей (по оригиналу), из которых 128 содержат удмуртские слова. На первом месте стоит латинское слово, затем немецкое. Этимологии слов приводятся в том порядке, в каком представляются языковые семьи: на первом месте – уральская, на втором – индогерманская, на третьем – тюркская и т. д. В конце книги в алфавитном порядке дается список латинских и немецких слов и встречающиеся этимологии отдельно по различным языкам.

В настоящей работе делается попытка более полного освещения некоторых графических, орфографических, фонетических и лексических особенностей удмуртской части “Вокабуляра Сибири” Й. Э. Фишера. Примеры приводятся по списку, опубликованному в статье Ш. Чуча: сначала мы приводим удмуртское слово, затем – в квадратных скобках – слово в нашем прочтении, перевод на латинский язык и страницу.

Особенности графики

Для передачи удмуртских слов академик Й. Э. Фишер использовал немецкую графическую систему. Звуки *a, b, w (v), g, d, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, sch (š, ž)* систематически передаются теми же самыми буквами или их сочетаниями. Однако, довольно часто встречаются колебания в передаче некоторых специфических удмуртских звуков.

1. Удмуртский гласный *i (ы)* передается:

а) немецкой буквой *ü*: *tüll [tj]* 'ignis' (VS 1747: 318) (далее примеры приводятся лишь с указанием страницы источника), *nürr [njr]* 'nasus' (316), *ümdör [jmdor]* 'labia' (314), *püt [pid]* 'pedes' (317), *püsch [piž]* 'navis' (там же), *küss [kiz]* 'pinus' (315) и др.;

б) буквой *i*: *pürti [purti]* 'lebes' (317), *püni [puñi]* 'cochlear' (там же), *déddi [dɛd'i]* 'traha' (314), *isch [iž]* 'ovis' (там же), *schir [šir]* 'mus' (318), *bori [bori]* 'fragum' (313), *síni [sinj-]* 'edere' (318), *júni [junj-]* 'bibere' (315), *kesit [kežit]* 'frigidus' (там же) и т. д.;

в) буквосочетанием *ui*: *puis [piž]* 'farina' (317), *wuischi [vižj]* 'radix' (319), *buisch [biž]* 'cauda' (313). Передачу удмуртского *i* через *ü* и *ui* у Миллера Т. И. Тепляшина [1965: 33] объясняет тем, что, возможно, он произносился лабиализованно как в некоторых коми-зырянских диалектах или происходила некоторая лабиализация (см. подпункт в)) под влиянием предшествующих губных согласных;

г) знаком *y*: *gosu [gozi]* 'funis' (314), *myññine [mjññn̄ / mjññj̄ / mjññn̄]* 'vehi' (316).

2. Удмуртский звук среднего ряда среднего подъема *e* (орф. *ö*) Й. Э. Фишер обозначил буквами:

а) *e* (в разных вариантах – *e, ê*): *déddi [dɛd'i]* 'traha' (314), *tschêsch [čɛž]* 'anas' (313), *jel [jel]* 'lac' (314), *ssed [šɛd]* 'plumbum' (318);

б) *i*: *tillo [tɛlo]* 'ventus' (318);

в) *ü*: *bürdèm [berdem]* 'lacrimo' (313), *küss [kö's / kus]* 'siccus' (315);

г) *u*: *wui [vej]* 'butyrum, oleum' (319).

3. Удмуртский гласный *e (э)* в большинстве случаев передается аналогичной немецкой буквой, однако встречается в виде исключений как:

а) сочетание *ie*: *piell [pel']* 'aures' (317), *sapièk [sapeg]* 'oscreae' (там же);

б) ä или a: tschuckasä [čukaže] 'cras' (313), túnna [tunne] 'hodie' (319);

в) i: düi [dūje] 'camelus' (314).

4. Согласные *š* и *ž* обозначены одинаково буквосочетанием **sch**: schúndi [šundi] 'sol' (318), oschmès [ošmes] 'fons' (317), baschmàk [bašmak] 'calcei' (313), tuschàk [tušak] 'lectus' (319), uloschò [ulošo] 'cantherius' (там же), osch [oš] 'bos' (там же); wusch [vuž] 'arcus' (320), püsch [pjz] 'navis' (317), isch [jz] 'ovis' (314), wuischi [vijzi] 'radix' (319), buisch [biž] 'cauda' (313) и др. В одном случае Й. Э. Фишер начальный *š* (стоящий перед *t*), по правилам немецкой орфографии, передает знаком *s*: stan [štan] 'femoralia' (318).

5. Аффрикатy передаются следующим образом:

а) глухие велярная *č* и палатальная *č'* – одинаково – буквосочетанием **tsch**: tschêsch [čež] 'anas' (313), tschuckasä [čukaže] 'cras' (там же), tschuknä [čukna] 'mane' (там же), tschusch [čuž] 'flavus' (там же), kótschisch [kočjš] 'felis' (315); tschin [č'ini] 'digitus' (313), tschorik [č'orik] 'piscis' (там же), ditschi [d'ič'i / žič'i / žič'i] 'vulpes' (314), katschi [kač'i / kač'i] 'forfex' (315), lûd-ketsch [lud keč] 'lepus' (316) и т. д.;

б) звонкие аффрикатy передаются знакосочетанием **dsch**, например, budschim [bužžim / bižžim] 'magnus' (313), dschek [žek] 'mensa' (320), dschid [žit] 'sero, vesper' (там же). В некоторых случаях палатальная *ž* передается сочетанием **ds** или **dsj**: kudsem [kužžem] 'ebrius' (316), dsjäsek [žážek] 'anser' (320), dsjuss [žus] 'scamnum' (там же).

6. Палатализованность парных согласных Й. Э. Фишером обозначается по-разному:

а) при помощи буквы *j*: adjämi [ad'ami] 'homo' (312), kunjàn [kuňan] 'vitulus' (316), njän [ňan] 'panis' (там же);

б) посредством знаков *ä* или *ü*: árnä [ar'na] 'hebdomas' (312), dütsch-árnä [d'üč ar'na] 'Dies Solis' (314), pinäll [piňal / pinal] 'infans' (317);

в) геминантами: aswèss [azveš] 'argentum' (313), déddi [ded'i] 'traha' (314), jir-ssi [jirši / d'irši] 'dies, capillus' (315), kük-ssu [kik-šu] 'ducenta' (там же), nill [ňil' / ñil'] 'quatuor' (316), parss [pars] 'porcus' (317). Данный способ обозначения палатализованности, к сожалению, Й. Э. Фишером до конца не выдерживается.

Орфография

Для рукописи Й. Э. Фишера свойственно использование правил немецкого письма, которое заключается в употреблении:

1) в конце слова после гласной буквы **h**, что в немецкой орфографии означает удлинение гласной, например: *korkáh* [*korka*] 'hypocaustum' (315), *luòh* [*luo*] 'arena' (316), *pialàh* [*piala / pijala*] 'fenestra' (317), *tackàh* [*taka*] 'aries' (318);

2) **ck** в интервокальном положении (произносится как **к**): *ta-ckàh* [*taka*] 'aries' (318);

3) **w** в значении удмуртского **v** или диалектного **u** (в одном корневом слове): *aswèss* [*azveš*] 'argentum' (313), *pógdschi-wün* [*pokč'i vjn*] 'frater natu minor' (317), *tolon-wal* [*tolon val*] 'nudius tertius', *warr* [*var / uar*] 'servus', *wui* [*vej*] 'buturum, oleum', *wit-don* [*vit'don*] 'quingenta' (319) и др.

Сюда же можно отнести, скорее всего, опущение ауслautного **j** в словах: *dschabè* [*čabe*] 'triticum', *tschipe* [*čipe*] 'lucius' (313), *puschè* [*puže*] 'rangifer, alce' (317). Это явление, отмеченное Й. Э. Фишером, встречается еще и в материалах других немецких же ученых, например, Г. Ф. Миллера: *dschabe* 'пшеница' (см. [Тепляшина 1965: 51]). Возможно, что немецкое конечное **e** в этих случаях имело незначительное дифтонгоидное произношение.

Диалектные особенности

В материалах Й. Э. Фишера встречается:

1) лабиальная дистантная прогрессивная ассимиляция гласных: *júggut* [*jugut*] 'dies, lucidus' (315), *punù* [*punu*] 'canis' (317), *schúnut* [*šunut*] 'calidus' (318), *úkur tschukna* [*ukur čukna*] 'mane' (319);

2) употребление гласной **i** в пределах первого слога перед палатальной согласной: *izi* [*ižij*] 'mitra' (314), *muis* [*mij*] 'ova sturionis' (316), *nill* [*ñil' / ñil'*] 'quatuor' (там же), *puis* [*pij*] 'farina' (317);

3) употребление **v** после **k** перед гласными **a** и **i** (*kva-* / *kvi-*): *doss-kwín* [*das kviñ*] 'tredecim' (313), *kwamùn* [*kwamjn*] 'triginta', *kwár* [*kvar*] 'folium', *kwat-don* [*kvat'don*] 'sexaginta' (316), *suckwas-tèn* [*šukvašmon*] 'sitiens' (318). Данное явление вкпе с отмеченным выше примером на начальное **ua-** имеет место в североудмуртской диалектной зоне;

4) употребление гласного **ä** или **î**: *isene* [*ižänä*] 'dormire' (314), *kikjamas* [*kikjamäs*] 'octo' (315), *mýnnine* [*mijnînä*] 'vehi', *monsko* [*mānsko*] 'vehor' (316), *tíbar* [*tjibār*] 'dorsum' (318), *weräne* [*veränä*] 'locui' (319) и т. д. Таким образом, мы приходим к выводу, что материалы Й. Э. Фишера содержат в основном особенности северного наречия удмуртского языка с вкраплениями южного.

Лексика, представленная в материалах Й. Э. Фишера, весьма разнообразна и имеет общеудмуртский характер. Такие слова, как, например, *aunäj* [*anaj*] 'mater' (313), *arakà* [*arakâ*] 'vinum adustum' (313), *baschmàk* [*bašmak*] 'calcei' (313), *isene* [*ižânâ*] 'dormire' (314), *kagàs* [*kagaz*] 'charta' (315), *kart* [*kart*] 'vir' (315), *pialàh* [*pijala*] 'fenestra' (317), *tuschàk* [*tušak*] 'lectus' (319), *uksò* [*ukšo*] 'pecunia' (319), *ulmò* [*ulmo*] 'pomun' (319), *uloschò* [*ulošo*] 'cantherius' (319) представляют собой южноудмуртские формы или по крайней мере заимствования из татарского или чувашского языков, с которыми южные удмурты всегда соприкасались. В свою очередь, лексемы *budschim* *pjünà* [*bužžim nuña*] 'frater natu maior' (313), *kondjón* [*koñdon*] 'copeka' (315) *kótschisch* [*kočjš*] 'felis' (там же), *kúmìs* [*ku-mjz*] 'alium' (316), *uléb* [*ulep*] 'vivus' (319), *ussà* [*ušse*] 'perendie' (там же), *wusch* [*vuž*] 'arcus' (320) не характерны для южного наречия или встречаются там в другом фонетическом варианте.

Таким образом, проанализировав "Вокабуляр Сибири" Й. Э. Фишера, мы можем сделать следующие выводы:

1. Для записи удмуртских слов ученый применил немецкую графическую, а также, в некоторых случаях, орфографическую систему.

2. В лингвистическом наследии Й. Э. Фишера в основном зафиксированы фонетические явления, характерные для североудмуртской диалектной зоны. Наличие некоторых южноудмуртских (? бесермянских) слов и форм, скорее всего, говорит о задействовании нескольких информантов при записи материала или он был собран из разных мест. О наличии же различных диалектов "верхних" и "нижних" удмуртов еще раньше было отмечено историком Г. Ф. Миллером [Тепляшина 1965: 8].

3. Собранная академиком Й. Э. Фишером удмуртская лексика первой половины XVIII века является ценным источником для изучения удмуртского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Напольских В. В. Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт. 1998. № 4. С. 146–156.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология. Ижевск: Изд-во удмуртского ун-та, 1992. 140 с.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. В. И. Лыткин. М., 1965. Вып. 1. 324 с.

Csúcs S. Egy 18. századi votják nyelvemlék // NyK. 1983. № 2 (85). 311–320 old.

Csúcs S. A votják nyelv a 18. században // NyK. 1984. № 1 (86). 63–80 old.

Gulya J. Vocabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil / Johann Eberhard Fischer. Bearb. und hrsg. von János Gulya. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Land, 1995 (= Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia; Bd. 7). 252 S.